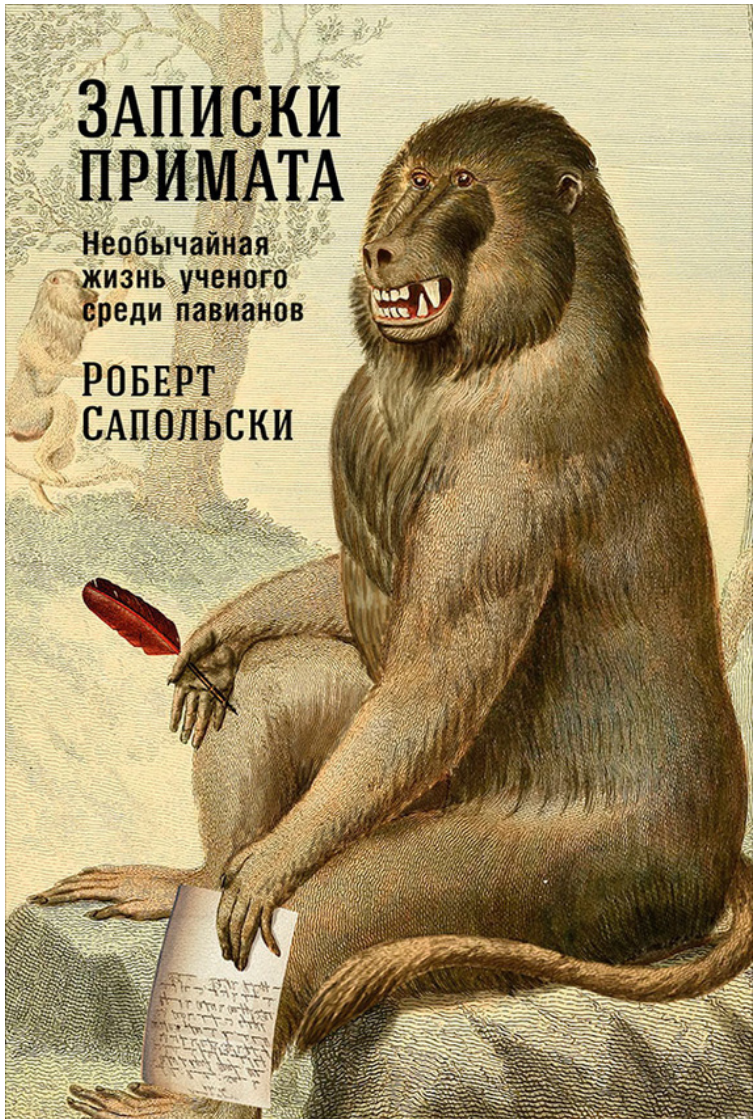

ЗАПИСКИ ПРИМАТА

Необычайная
жизнь ученого
среди павианов

РОБЕРТ
САПОЛЬСКИ

Роберт Сапольски

Записки примата:

Необычайная жизнь

ученого среди павианов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27349289

Записки примата: Необычайная жизнь ученого среди павианов /

Роберт Сапольски: Альпина нон-фикшн; Москва; 2017

ISBN 978-5-9614-5032-3

Аннотация

Эта книга – воспоминания о более чем двадцати годах знакомства известного приматолога Роберта Сапольски с Восточной Африкой. Будучи совсем еще молодым ученым, автор впервые приехал в заповедник в Кении с намерением проверить на диких павианах свои догадки о природе стресса у людей, что не удивительно, учитывая, насколько похожи приматы на людей в своих биологических и психологических реакциях. Собственно, и себя самого Сапольски не отделяет от своих подопечных – подопытных животных, что очевидно уже из названия книги. И это придает повествованию особое обаяние и мощь. Вместе с автором, давшим своим любимцам библейские имена, мы узнаем об их жизни, страданиях, любви, соперничестве, борьбе за власть, болезнях и смерти. Не менее

яркие персонажи книги – местные жители: фермеры, егеря, мелкие начальники и простые работяги. За два десятилетия в Африке Сапольски переживает и собственные опасные приключения, и трагедии друзей, и смены политических режимов – и пишет об этом так, что чувствуешь себя почти участником событий.

Содержание

Благодарности	10
Часть I	14
1. Павлианы. Колена Израилевы	14
2. Жареная зебра и преступная жизнь	39
3. Отмщение либералов	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Роберт Сапольски
Записки примата:
Необычайная жизнь
ученого среди павианов

Роберт Сапольски

Записки примата

Необычайная жизнь
ученого среди павианов

Перевод с английского

Книжные проекты
Дмитрия Зимина

АНО
АЛЕНА НОН-ФИШН

Москва

Переводчики *Ирина Майгурова, Мария Десятова*
Научный редактор *Валерий Чалян, д-р биол. наук*
Редактор *Роза Пискотина*
Руководитель проекта *И. Серёгина*
Корректоры *Е. Аксёнова, М. Савина*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*
Дизайн обложки *Ю. Буга*
Иллюстратор *Р. Евсеев*

© Robert M. Sapolsky, 2001

All Rights Reserved

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО
«Альпина нон-фикшн», 2018

© Электронное издание. ООО «Альпина Диджитал»,
2018

Книжные проекты
Дмитрия Зими́на

Эта книга издана в рамках программы «Книжные проекты Дмитрия Зими́на» и продолжает серию «Библиотека «Династия». Дмитрий Борисович Зимин – основатель компании

«Вымпелком» (Beeline), фонда некоммерческих программ «Династия» и фонда «Московское время».

Программа «Книжные проекты Дмитрия Зимина» объединяет три проекта, хорошо знакомые читательской аудитории: издание научно-популярных переводных книг «Библиотека «Династия», издательское направление фонда «Московское время» и премию в области русскоязычной научно-популярной литературы «Просветитель». Подробную информацию о «Книжных проектах Дмитрия Зимина» вы найдете на сайте ziminbookprojects.ru.

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

Благодарности

Эта книга – воспоминания о более чем двадцати годах моего знакомства с Восточной Африкой, куда я регулярно приезжал для работы в одном из заповедников. Все рассказанное происходило в действительности, однако сам жанр предполагает некоторые литературные условности, которые я здесь и оговариваю. История Уилсона Кипкой по большей части отражает подлинные факты, но имена и некоторые детали изменены ради сохранения инкогнито действующих лиц. Последняя глава, к сожалению, правдива во всех ее трагических подробностях, однако и в ней я изменил некоторые имена и обстоятельства. Хронологические рамки некоторых глав в ряде случаев расширены или, наоборот, сжаты. В нескольких местах изменен порядок событий; их последовательность в жизни павианов оставлена нетронутой. И наконец, некоторые люди и некоторые павианы являют собой собирательные образы из нескольких представителей соответствующего биологического вида. Это сделано ради сокращения списка действующих лиц; среди человеческих персонажей, например, егерь-смотритель¹ заповедника, или экскурсовод-британец, или официант туристской гостиницы могут

¹ В оригинале слово *ganger* – сотрудник заповедника, отвечающий за охрану живой природы, борьбу с браконьерами и т. д. Наиболее подходящий русский эквивалент – егерь-смотритель или просто егерь. – *Прим. ред.*

совмещать в себе черты нескольких людей. Все главные павианы – реальные личности, как и главные человеческие персонажи. Ричард, Хадсон, Лоуренс Гиенский, (покойная) Рода, Самуэлли, Соирова, Джим Элс, Мбарак Сулеман, Росс Тарара и, конечно, Лиза – реальные люди. Сам я, насколько могу судить, тоже образ не собирательный.

Я благодарю всех, кто помогал мне с проверкой фактов, читая книгу целиком или частично – или слушая в изложении, как это делал не умеющий читать Соирова – и сверяя мои воспоминания с собственными. За это спасибо Джиму Элсу, Лоуренсу Франку, Ричарду Коунсу, Хадсону Ойаро и Соирове. Кроме того, я хочу поблагодарить Колина Уорнера за уточнение ряда официальных данных в библиотеке, а также Джона Маклохлина, Анну Майер, Миранду Ип и Мани Роя за помощь в вычитке рукописи. Спасибо Дэну Гринвуду и Кэрол Салем за рассказы об их собственных путешествиях по Восточной Африке. Джонатан Кобб, Лиз Земска и Патриция Гэдсби – благодарю вас за бесценные редакторские советы, которые вы давали, читая протOVERсию этой книги.

Финансирование моей работы осуществляли «Клуб исследователей» (The Explorer's Club), Фонд Гарри Франка Гуггенхайма, Фонд Макартуров и Фонд Темплтона. Я благодарен им не только за щедрость, но и за беспримерно гибкое отношение к издержкам полевой работы: в частности, за одно только согласие принимать квитанции и бухгалтер-

скую отчетность в разбухших от сырости и побитых молю (в буквальном смысле) подшивках. Благодарю Институт приматологии при Национальном музее Кении за возможность быть его сотрудником и канцелярию президента Республики Кения за разрешение на проведение исследований в течение всех этих лет. Спасибо двум моим коллегам – Ширли Струм из Калифорнийского университета в Сан-Диего и Джин Альтманн из Принстонского университета, разрешивших мне побывать на их полевых участках в рамках нашей совместной работы. Кроме того, я хотел бы поблагодарить тех, кто посвящал меня в тонкости полевых исследований и помогал собирать материалы в мои первые полевые сезоны, – это Дэви Брукс, Дениза Костич, Фрэнсис Ончири и Рид Сазерленд.

Спасибо моему агенту Катинке Матсон за огромную поддержку и профессионализм, благодаря которым эта книга появилась на свет; спасибо моему редактору Джиллиан Блейк и ее помощнице Рейчел Сассман – вы с беспримерным тактом устранили в рукописи недочеты, от которых любой автор, кроме представителя ученой братии, избавляется еще на вводном курсе писательского мастерства. Было очень приятно с вами всеми работать.

И наконец, я хочу поблагодарить Лизу – любовь всей моей жизни, поделившую со мной значительную часть этих кенийских событий.

Последнее примечание: колониальные бесчинства и гра-

бежи остались для Африки в прошлом. Однако Запад нередко по-прежнему эксплуатирует Африку гораздо менее очевидными способами, даже если побуждения у него самые благие. Я связан с Африкой уже больше половины жизни и питаю к ней и к моим африканским друзьям глубочайшее уважение, благодарность и теплые чувства. От всей души надеюсь, что не предстал в этих заметках как человек, имеющий хоть какое-то отношение к эксплуатации. Такого намерения у меня и в помине не было.

Часть I

Юные годы. Первое знакомство со стадом

1. Павианы. Колена Израилевы

В стадо павианов я попал на двадцать первом году жизни. Быть степным павианом я никогда не думал: наоборот, все детство и юность я провел в уверенности, что стану горной гориллой. Ребенком в Нью-Йорке я правдами и неправдами постоянно тянул мать в Музей естественной истории, где часами разглядывал африканские диорамы и мечтал пожить там, внутри. Жизнь легконогой зебры, скачущей по травянистым равнинам, казалась мне весьма заманчивой, а иногда я мог задумать одолеть свою младенческую пухлость и возносился до мечты побыть жирафом. Одно время, наслушавшись от пожилых родственников-коммунистов утопических тирад о коллективном труде, я хотел стать общественным насекомым. Рабочим муравьем, разумеется. По недомыслию я включил этот пункт в школьное сочинение о жизненных планах, после чего мать получила из школы озабоченную записку от учителя.

И все же, бродя по африканским залам музея, я немину-

емо возвращался к диораме с горными гориллами. Что-то в ней меня влекло с самого начала. Оба моих деда умерли за-долго до моего рождения; для меня они были не более чем далеким мифом, я даже не различал их на фотографиях. Видимо, выставленное в витрине чучело матерого вожака-гориллы, способного защитить свою семью, воспринималось мной как некая замена, восполняющая этот пробел. Тропический лес в африканских горах и семья горилл стали казаться мне самым надежным убежищем, о каком только можно мечтать.

В двенадцать лет я забрасывал приматологов восторженными письмами. В четырнадцать читал учебники по специальности. В старших классах хитростью умудрился заполучить работу в приматологической лаборатории медицинского колледжа и добрался до Мекки своих мечтаний – попал волонтером в Музей естественной истории, в отдел приматов. Я даже добился у нашего заведующего лингвистическим отделением того, что тот нашел мне подходящий курс по суахили – для подготовки к работе в полевых условиях Африки. И наконец, я поступил в колледж и начал постигать приматологию под руководством одного из лучших специалистов. Мечта близилась к исполнению.

Однако в колледже мои исследовательские интересы слегка сместились, и меня стали занимать научные вопросы, ответы на которые нельзя найти среди горилл. Мне понадобились приматы, живущие в открытой саванне, имеющие иную

социальную организацию и не находящиеся под угрозой исчезновения. Саванновые павианы, прежде ничем для меня не примечательные, стали закономерными кандидатами на изучение. Жизнь постоянно вынуждает нас идти на компромиссы – не может же каждый ребенок, когда вырастет, стать президентом, звездой бейсбола или горной гориллой. Поэтому я решил пожить среди павианов.

Я пришел в стадо в последний год царствования Соломона. Другими главными членами стада в те дни были Лия, Девора, Аарон, Исаак, Ноеминь и Рахиль. Я не планировал давать павианам имена из Ветхого Завета, все случилось само собой. К нам перешел один взрослый самец, покинувший стадо, в котором вырос, и первые несколько недель (пока было неясно, останется он или нет) я не давал ему имени, а лишь обозначал его в дневнике как «новый пришлый самец» – New Adult Transfer, или NAT. Позже аббревиатура трансформировалась в Nat, а к тому времени, когда он решил остаться, стала именем Nathaniel – Нафанаил. Адам поначалу обозначался как ATM, Adult Transfer Male – «взрослый пришлый самец». Юный детеныш – small kid – сокращался до SML и на глазах превратился в Самуила. Тогда я махнул рукой и принялся сыпать пророками, судьями и женами патриархов направо и налево. Иногда я все-таки давал чисто описательные имена: например, Десна или Хромой. И поскольку мне пока еще не доставало научной уверенности,

при публикации профессиональных статей я не упоминал имен, а обозначал всех цифрами. В остальное же время библейские персонажи обильно шли в ход.

Ветхозаветные имена мне всегда нравились, но я бы поостерегся назвать собственных детей Авдием или Иезекиилем, так что шесть десятков павианов пришлось очень кстати. Вдобавок мне остро помнились те годы, когда я пачками таскал в школу популярные брошюры по эволюции и предъявлял их учителям иврита, которые приходили в ужас от такого святотатства и требовали убрать книги с глаз долой; сейчас я с наслаждением мстил им тем, что раздавал имена патриархов членам стада павианов в африканской саванне. А кроме того, несколько извращенное воображение – без которого, подозреваю, редко обходится работа приматологов – подзуживало меня дожидаться того неминуемого дня, когда в полевой дневник можно будет записать что-нибудь вроде «Навуходоносор с Ноеминью самозабвенно спаривались в кустах».

Моей целью было исследовать болезни, вызываемые стрессом, и их связь с образом жизни и поведением. Шестьдесят лет назад ученый по имени Ганс Селье обнаружил, что эмоции могут влиять на здоровье. Практикующие врачи встретили эту теорию насмешками: к тому времени было общеизвестно, что причинами болезней могут быть вирусы, бактерии, канцерогены и прочее, но эмоции... Селье обнаружил, что, если негативно воздействовать на крыс чисто пси-

хологическими способами, они заболевают. У них начинается язва, рушится иммунная система, появляются проблемы с размножением, повышается кровяное давление. Теперь-то мы знаем истинную цену той находки: Селье открыл стрессогенные расстройства. Он показал, что несбалансированные эмоциональные и физические нагрузки вызывают стресс и, если такое состояние длится слишком долго, человек заболевает.

Этот последний пункт пришелся в самую точку: из-за стресса в организме начинаются разного рода сбои, и со времен Селье были документально зарегистрированы многочисленные болезни, усиливаемые стрессом. Сахарный диабет второго типа, мышечная атрофия, гипертония и атеросклероз, задержка роста, импотенция, аменорея, депрессия, декальцинация костей и многое другое. Кроме того, от стресса могут гибнуть клетки мозга: именно это я изучал в своих лабораторных исследованиях.

Мне казалось чудом, что человечество умудрилось не вымереть. Однако мы со всей очевидностью выжили. Я решил, что, помимо лабораторных исследований нейронов, мне нужно заняться и оптимистической стороной проблемы – попробовать выяснить, почему некоторые люди более других устойчивы к стрессу. Зависит ли это от положения в обществе? От обилия родственников, от возможности общаться с друзьями? От игр с детьми? От привычки страдать в одиночестве или от манеры срывать зло на других? Я ре-

шил проверить это на диких павианах.

Павианы подходили для этого как нельзя лучше. Они живут большими группами со сложно организованной системой отношений, а предполагавшаяся для моего изучения популяция жила и вовсе по-королевски. Серенгети – огромная экосистема. Трава, деревья, животные – все как из телепередач о богатстве природы. Павианы заняты добыванием еды около четырех часов в день, смертельной опасности от хищников практически нет, так что около двенадцати дневных часов им остается на то, чтобы портить друг другу нервы. Совсем как у людей: редко кто-то зарабатывает себе гипертонический криз физической нагрузкой, никто не горюет из-за стихийного голода, нашествия саранчи или предстоящей битвы на топорах с боссом на парковке в пять вечера. Жизнь у нас вполне благополучна, так что мы можем позволить себе роскошь гробить собственное здоровье чисто психологическим стрессом, зарабатывая его в общении с себе подобными. Точно так же, как эти павианы.

Теперь мне предстояло ехать и изучать поведение павианов – наблюдать, кто с кем контактирует, как и зачем: драки, свидания, дружба, союзы, ухаживания. Затем я должен был обездвиживать их специальным дроптиком с анестезирующим веществом и смотреть на состояние организма: кровяное давление, уровень холестерина, скорость заживления ран, уровень гормонов стресса. Как индивидуальные особенности поведения и психологические паттерны связаны с ин-

дивидуальными особенностями работы организма? Я решил изучать только самцов: нельзя же делать анестезию самкам, когда они беременны или выкармливают детеныша – а ведь редкую самку застанешь вне этих двух состояний. Так что я решил остановиться на самцах и познакомиться с ними лучше.

Шел 1978 год – весь мир поклонялся Джону Траволте, белые костюмы наводнили Америку, Соломону оставалось царствовать последний год. Соломон был добр, мудр и справедлив. На самом деле нет, конечно, просто я в то время был впечатлительным «молодым пришлым самцом». Тем не менее этот павиан и вправду был внушителен. В течение многих лет учебники антропологии взалхлеб описывали саванновых павианов и главную фигуру в их стаде – альфа-самца. По книгам выходило, что павианы – это приматы со сложной общественной организацией, которые живут в саваннах, организованно охотятся, имеют иерархию ролей в стаде и группируются вокруг альфа-самца как центральной фигуры. Он приводит стадо в богатые пропитанием места, возглавляет охоту, защищает от хищников, строго следит за самками, вкручивает лампочки, чинит машину и все такое. «В точности как наши человеческие предки» – подразумевалось в книгах, а в некоторых даже говорилось открыто. Разумеется, по большей части все оказалось не так. Охоту никто не организует – еду добывают кто как хочет. Более того, альфа-самец не в состоянии отвести стадо в богатые пищей места в

тяжелые времена: он их просто не знает. Самцы приходят в стадо совсем юными, зато самки всю жизнь остаются в одном стаде, так что именно старые самки могут помнить нужную оливковую рощу за четвертым холмом. При нападении хищников альфа-самец действительно способен броситься в самую гущу, защищая детеныша, но только если совершенно уверен, что враг вознамерился пообедать именно его отпрыском, в противном случае альфа будет наблюдать битву с самого высокого и безопасного места, какое только найдет. Вот и вся цена Роберту Ардри и антропологии 1960-х.

И все же в мелком, непритязательном, эгоистичном и бездумном мирке самцов-павианов быть альфой – это круто. Даже необязательно быть вожаком стада, ты просто совершаешь половину всех спариваний, нежишься в тени при жаре и получаешь лучший кусок без особых усилий, попросту отбирая его у других. Соломон во всем перечисленном был непревзойден. В стаде он был альфой уже три года – невиданно большой срок для пребывания в штатной должности самца. Студент-старшекурсник, работавший со стадом до меня, рассказал, что во времена свержения предыдущего альфа-самца Соломон был осмотрительным бойцом, беспощадно отвечавшим ударом на удар, однако, когда я приехал (и тайно нарек его Соломоном – штатный идентификационный номер, скучный и неинтересный, я никогда не разглашу), он уже вступил в пору «серебряного возраста» и почивал на лаврах, удерживая за собой статус исключительно

психологическим давлением. Это ему удавалось блестяще. Крупных драк за ним не водилось уже год. Ему достаточно было взглянуть, подняться с царственного ложа и небрежно сделать несколько шагов, максимум шлепнуть покусившегося на его покой – и больше ничего не требовалось. Перед ним все трепетали. Однажды он ударил и меня, сбил с камня и вдребезги расколотил бинокль (подарок к отъезду в Африку!). Теперь я тоже перед ним трепетал и больше не строил планов проверки на прочность его статуса альфа-самца.

В основном он проводил дни с теми многочисленными детенышами, которых безоговорочно считал своими (то есть был уверен, что к самке в тот период цикла, когда она зачала, никто больше не приближался), не упускал случая присвоить себе выкопанные другими клубни или корни, давал себя обыскивать и спаривался с самками с выраженными признаками эструса в виде набухания половой кожи. В последнее время звездой стала Девора, дочь Лии, вероятно, старейшей в стаде альфа-самки. Мать была – тот еще крепкий орешек. Статус павианов-самцов с течением времени может меняться: один вступает в пору зрелости, другой ломает клык и остается не у дел. Самка же наследует статус от матери: она рангом ниже матери, младшая сестра еще одной ступенькой ниже и так далее до следующей семьи более низкого ранга. Лия сидела на самой верхушке этой горы как минимум четверть века. И всячески изводила Ноеминь – примерно свою ровесницу, родоначальницу семьи с несравнимо более низ-

ким рангом. Стоило старухе Ноеминь устроиться на полуденный отдых в уютной тени, тут же налетала Лия и выгоняла ее прочь. Невозмутимая Ноеминь находила другое место – Лия, не в силах побороть искушение, налетала вновь. Стойкости этих отношений, древних как мир, я не уставал дивиться. За годы до этого Джимми Картер бегал трусцой вокруг Белого дома, камешки Pet Rocks раскупались как горячие пирожки, любая женщина мечтала выглядеть как Фарра Фосетт – а стареющая Лия изводила Ноеминь. Еще раньше американцы обсуждали резню в Сонгми, щеголяли в малиновых брюках клеш и прыгали на кроватях с водяным матрасом – а заматеревшая к тому времени Лия добивалась того, чтобы Ноеминь ее обыскивала. Еще раньше Линдон Джонсон демонстрировал публике хирургический шов от операции на желчном пузыре – а юная Лия выслеживала Ноеминь во время полуденного отдыха и нападала на нее, как только та уснет. И еще-еще раньше, когда общественность протестовала против казни Розенбергов, а я сидел на коленях у бабушки в доме престарелых и нас снимали камерой «Брауни», едва научившаяся ходить Ноеминь покорно отдавала Лии веточку, которой только что играла сама. И сейчас они, две дряхлые старухи, по-прежнему устраивали в саванне игру в «музыкальные стулья».

Лия родила целую череду крепких, уверенных в себе сыновей. Среди общественных животных многих видов есть правило: примерно в период полового созревания самцы или

самки переходят в другую общественную группу – это один из способов избежать инцеста. У павианов такая тяга к перемене мест одолевает самцов, и сыновья Лии теперь самоуправствовали в дальних и ближних стадах по всей северо-западной части Серенгети. Девора родилась далеко не сразу и была первой, а то и единственной дочерью. Сейчас она как раз вступала в пору зрелости, и Соломон сходил по ней с ума. По стандартам самцов-павианов Девора была желанной невестой: с ее упитанностью и общим здоровьем она была бы способна легко зачать и благополучно перенести беременность. А когда детеныш родится, на него никто не вздумает напасть, и он выживет. С точки зрения эволюционной теории – оставить побольше копий своих генов в будущих поколениях и все такое – Девора была очень перспективной юной обезьяной. Я, впрочем, не считал ее такой уж особенной (в противоположность Вирсавии, к которой питал истинную страсть и которая позже трагически погибла от клыков мерзавца Навуходоносора), однако уж чего-чего, а уверенности Деворе было не занимать. У самцов павианов есть обыкновение: когда они натываются на дружелюбного самца, то вместо всяких «добрый день, прекрасная погода, не правда ли?» они дергают друг друга за пенис. Для них это, видимо, что-то вроде способа сказать: «Мы друзья, в эту самую минуту я полностью тебе доверяю – настолько, что позволяю тебе меня подергать». Точно так же собаки откидываются на спину, открывая брюхо и позволяя другому псу об-

нюхать пах. Среди приматов-самцов такой жест означает доверие, и все самцы приветствовали своих приятелей именно так. Таким же образом приветствовали самцов и Лия с Деворой – единственные самки за все годы моего опыта. Девора на моих глазах провернула это с Навуходоносором в те времена, когда он едва успел присоединиться к стаду. Все утро он гонял других и теперь лениво куда-то брел, страшно довольный собой, а по пути встретил пожилую леди с дочерью – Лию и Девору, шедших навстречу. Он их, видимо, еще не знал, но вежливо приподнял шляпу, то есть сделал то, что у павианов служит этому заменой: повел бровями. И тут эта девица протягивает руку, довольно мощно дергает его за тестикулы и идет себе дальше вместе со старухой. Навуходоносор, провожая взглядом ее тыльную часть, буквально согнулся пополам, вероятно, в попытке убедиться, что она не самец, случайно проходивший мимо.

Итак, Девора переживала пубертат легко и свободно, не испытывая ничего похожего на комплексы от прыщей и прочее. Соломон всего лишь дожидался, когда запах от нее станет соблазнительнее, а внешние признаки заметнее – тогда начнется ухаживание. Не такова была участь бедняжки Руфи, которая тогда тоже вошла в пору созревания. Ее юность была более типичной. Руфь происходила из непонятно какого, явно низкого рода; она ни минуты не сидела спокойно, движения ее были нервными и дергаными – верный признак того, что ее вечно притесняют. Годы спустя, в среднем воз-

расте, она по-прежнему будет иметь тревожный вид существа, живущего на постоянных выбросах адреналина, и такое же впечатление нервного истощения будут производить ее многочисленные отпрыски. Пока же, в нынешнем году, главной бедой для нее был эстроген, доводивший ее до безумия. Настала пора созревания, кожа вокруг половых органов набухла, стероиды отравляли ей мозг – ни о чем, кроме самцов, она думать не могла. Однако на нее никто не обращал внимания. В первые полгода, когда начинаются циклы и появляется набухание половой кожи, у самок павианов еще нет полноценных овуляций: организм только разогревается. Почти наверняка для самцов это преобразуется в сигнал о том, что запах недостаточно соблазнителен, а тыльная часть недостаточно ярко полыхает в африканских сумерках.

Несчастливая же Руфь варилась в гормональном аду и съезжала с катушек. Она вождедела всех взрослых самцов, однако на нее никто даже не взглянул. Соломон, выбравшись из зарослей, садился посреди открытого поля – и Руфь вскакивала, бросала все дела и, по обычаю всех павианьих самок в состоянии эструса, совала свой зад ему под нос в надежде, что самец не ограничится тем, что просто его понюхает. Тщетно. Или старина Аарон, тоже из взрослых самцов, вознамерится добрести до ближайшего фигового дерева, а Руфь не даст ему прохода: забежит на шаг-другой вперед, остановится и подставит ему зад; тот пройдет мимо – она снова вскочит и забежит с другой стороны. Больше всего мне за-

помнилась Руфь в летние месяцы 1978 года, когда она стояла и прихорашивалась, выставляла зад, выгибала спину так и эдак, взглядывала через плечо в попытке оценить эффект, принимала самую неотразимую позу и исходила восторгом от одного лишь присутствия Соломона, а этот амбал сидел и рассеянно ковырял в носу, совершенно ее не замечая.

В конце концов Руфь вынуждена была остановиться на Иисусе Навине – долговязом тощем юнце, пришедшем в стадо годом раньше. Тихий, безобидный, серьезный и невозмутимый, он то и дело мастурбировал в кустах. К октябрю 1978 года он воспылил страстью к Руфи, которую это вовсе не осчастливило. Два месяца он преследовал ее со всем пылом. Шагнет к ней – она убегает прочь с обычным своим нервным подергиванием. Он садится с ней рядом – она вскакивает. Он заботливо ее обыскивает, убирая с нее клещей, – она сбегает, стоит ему остановиться, и начинает ходить кругами вокруг самца покрасивее. Однажды, когда она прихорашивалась и подставляла зад Аарону, наблюдавший за ней Иисус Навин испытал эрекцию.

Такие проявления мужской преданности могут тронуть даже самых буйных из юных самок, и к декабрю Иисус Навин уже постоянно бывал с Руфью во время эструса. Обоим явно недоставало опыта, и даже годы спустя Руфь страшно нервничала при любых попытках самцов с ней сблизиться, что, вероятно, всерьез влияло на ее репродуктивную способность. Тем не менее в мае она родила Авдия.

Вид у него был своеобразный. Узкая голова, длинные жидкие волосы, свисающие сзади продолговатым хохолком, — он походил на рассеянного невротика из Вены эпохи декаданса. Руфь, обуреваемая материнскими чувствами, была на грани нервного срыва: не отпускала его от себя дальше, чем на два шага, резво утаскивая прочь при виде любой приближающейся самки. Зато Иисус Навин оказался превосходным заботливым отцом, что среди павианов бывает крайне редко. Для людей, знающих цену таким вещам, это показательно. Средняя самка — более популярная, чем Руфь, но не такая желанная, как Девора, — в начале периода набухания половой кожи в течение недели спаривается с пятью-шестью самцами. Самый захудалый из них приходит в первый день, когда овуляция еще не произошла. На следующий день его отгоняет более престижный самец и так далее, вплоть до павиана высокого ранга (возможно, альфа-самца), который спарится с ней в самый благоприятный день. И если через пять месяцев появляется детеныш, то самцу ничего не остается, как достать калькулятор и обнаружить, что вероятность отцовства составляет для него 38 %. В этом случае никакой помощи от него не будет. Зато Иисус Навин, бывший у Руфи единственным ухажером в те месяцы ее пылкого юного эструса, был уверен в своем отцовстве на все сто. Если говорить суровым языком социобиологов — тратить усилия на родительскую заботу было в его эволюционных интересах.

Он то таскал Авдия на руках, когда Руфь уставала, то по-

могал ему вскарабкиваться на деревья, то стоял настороже рядом при появлении львов. В какой-то степени его забота была чрезмерной; Иисус Навин совершенно не понимал детских игр. Временами, когда Авдий дурашливо боксировал с приятелями на радость себе и другим, Иисус Навин врывался в середину, защищая любимое дитя от страшных врагов, валил с ног остальных детенышей и раскидывал кого куда. Авдий в таких случаях смущался; человеческий ребенок в аналогичном случае мечтал бы провалиться на месте от стыда за родителя, сотворившего откровенную глупость. Остальные детеныши с визгом разбежались каждый к своей матери, и те ополчались против Иисуса Навина, порой даже пускались за ним в погоню. Однако понимания у него не прибавлялось. Спустя годы, будучи уже альфа-самцом, Иисус Навин с друзьями точно так же встречал в юношеские бойцовые матчи Авдия и его приятелей.

Примерно в одно время с Иисусом Навином, выросшим в восточных горах, в стаде появился Вениамин – его ровесник из местности, граничащей с Танзанией. Я тогда только-только разделался с собственными юношескими комплексами и едва удерживался от того, чтобы отождествлять себя с Вениамином и его странностями. Шерсть на нем росла как попало – торчала на голове пучками в разные стороны, на плечах лежала спутанными комками вместо величественной гривы, которая обычно призвана устрашать соперников. Он то и дело спотыкался на ходу, вечно садился на кусачих муравьев.

С нижней челюстью ему тоже не повезло: после каждого зевка (а зевал он часто) ему приходилось поправлять ее руками, натягивая щеки и губы обратно на клыки. С самками ему, разумеется, ничего не светило, а если кто из собратьев впадал в дурное расположение духа из-за проигранной драки, то будьте уверены – Вениамин на него неминуемо натыкался, причем в самый неудачный момент. В один прекрасный день, в самом начале моего пребывания в стаде, я наблюдал за Вениамином. Объект для сбора поведенческих данных обычно выбирают случайным образом (чтобы не нарушать чистоту эксперимента, отдавая предпочтение тем, кто занят чем-то интересным) и ведут наблюдение в течение часа, записывая все детали поведения. Был полдень, через две минуты после начала отсчета Вениамин завалился спать под кустом. За этот час захватывающих наблюдений остальные павианы разбрались – Вениамин, проснувшись, понятия не имел, куда делось все стадо, и я тоже. Мы оба не знали, куда идти. Взобравшись на крышу джипа, я оглядел окрестности в бинокль. Мы посмотрели друг на друга. Наконец мне удалось различить мелкие черные точки за несколько холмов от нас. Я медленно поехал, Вениамин побежал следом. Хеппи-энд. С тех пор повелось: если я работаю без машины – он сидит рядом, если я работаю, не выходя из джипа, – он сидит на капоте. Примерно в это время я назначил его своим фаворитом и благосклонно нарек любимым именем; все, что он делал в дальнейшем, только укрепляло мои чувства.

Прошло много лет, его давно нет в живых, а я до сих пор храню его фотографию.

Еще моложе Иисуса Навина и Вениамина были Давид и Даниил. Они только что пришли в стадо и еще не до конца оправились от тягот первого в жизни перехода на новое место, когда месяцами ты никто, без друзей и семьи, среди агрессивных чужаков, на краю стада и без всякой защиты от хищников. Росли они в разных стадах, но по счастливой случайности оказались у нас одновременно и по не менее счастливой случайности обладали темпераментом, побуждавшим их не враждовать, а тянуться друг к другу. Эти два юнца, едва вышедшие из детского возраста, стали неразлучными и проводили время в играх и шуточных драках. Однажды во второй половине дня я обнаружил их в открытом поле у леса – они умудрились напугать целый выводок жирафьих детенышей и теперь гоняли их взад-вперед по саванне. Любой из жирафиков весил раз в пятьдесят больше Даниила или Давида и с легкостью бы их растоптал. Однако, сбитые с толку, жирафы стремительно разбегались от этих странных пушистых бесенят, твякающих у них под ногами.

Еще один взрослый самец наверняка вырос в этом же стаде и никогда из него не уходил. Из сотен павианов, которых я знал за всю жизнь, Иову не повезло больше всего. Саванновые павианы – великолепные животные: мускулистые, хорошо сложенные и пушистые, как медведи. Иов же был худ, как щепка, с непропорционально большой головой, и чего толь-

ко у него не было – и тремор, и спазмы, и парезы, и судороги. Периодически у бедолаги выпадала шерсть, в каждый сезон дождей все слизистые зарастали грибком. Руки и ноги – длинные и тощие, на хвосте чесотка. Насколько я мог судить, полового созревания он не достиг: яички не опустились, вторичные половые признаки (крупные клыки, грива, низкий голос, мускулы) не появлялись. При этом он был отнюдь не дурак и шел по жизни с той настороженной опасливой бдительностью, какая обычно развивается от постоянного страха. Насчет возможных причин у меня роились многочисленные гипотезы, почерпнутые тут и там из учебников по эндокринологии, где во множестве встречались иллюстрации к дисфункции желез – нагие люди под ростовыми отметками с черным прямоугольником на месте глаз: кретины с гипотиреозом, уродцы-акромегалы, жуткие типы с базедовой болезнью, гермафродиты с табличками. У Иова я подозревал синдром Клайнфельтера, но до конца выяснить это так и не удалось. Помимо того, что он был странным и неизменно печальным, он остался еще и недиагностированным.

Как и следовало ожидать, его изводили, преследовали, притесняли, били, хлестали, колошматили и терроризировали все самцы стада, кому хотелось отвести душу (и неоднократно Лия с Деворой). Новые пришлые самцы – едва вылупившийся молодняк – с недоверием и восторгом обнаруживали, что в стаде есть павиан еще более низкого ранга, чем они, новоприбывшие. За все годы моего знакомства с Иовом

он ни разу не победил в ритуалах на доминирование. Единственным его прибежищем была семья Ноемини – старуха Ноеминь, ее дочь Рахиль и малолетняя внучка Сара. По человеческим меркам это была семья «достойных людей», и они вскоре стали моими любимцами. Сомневаться в их родстве или спутать их с другими было невозможно. У всех короткие ноги колесом, круглые крепкие торсы, шальные пушистые морды, из-за которых вся семья походила на стаю сипух. Ранг в стаде у них был средний, они со многими дружили и помогали друг другу. Помогали и Иову. Я стойко подозревал (хоть и не нашел тому доказательств), что Иов – сын Ноемини: беспокойный и больной, он не выжил бы при переходе в другое стадо, да и не было в нем для этого андрогенного импульса, заставляющего взрослого самца бросить все и пуститься на поиски счастья в далеком и прекрасном мире чужих павианов. Ноеминь над ним тряслась, Рахиль яростно защищала от нападок юных самцов, Сара обыскивала. Однажды утром Иов, бродивший на самом краю стада, оказался отрезан от остальных: его окружила стайка пасущихся самок импал – хрупких созданий, похожих на Бемби. Для павианов импалы совершенно безобидны – напротив, павианы на них охотятся! Иов же, оказавшись среди них, страшно перепугался и начал тревожно взлаивать. Тогда Ноеминь с Рахилью пробрались к нему между импалами и сидели с ним, пока импалы не разошлись и Иов не успокоился.

Наряду с матриархами вроде Ноемини в стаде были и

старшие самцы вполне величественного вида. Например, Аарон – уже миновавший свою лучшую пору, но еще полный сил, – с которым приходилось считаться. Здравый и спокойный, он дружелюбно общался с самками и не избивал никого слишком уж активно. Только вот ходил он прихрамывая после одной встречи с судьбой. Несколькими годами раньше, когда юный Соломон был третьим в иерархии и явно нацеливался выше, вторым номером был Аарон, ближайший кандидат на лидерство, – он был в отличной физической форме и дышал в затылок тогдашнему альфе, в моих архивах помещенному лишь как «самец 203». В то памятное утро Аарон и 203 решили помериться силой и затеяли грандиозную схватку, которая с переменным успехом длилась несколько часов. В критический момент – демонстрируя блестящее стратегическое мышление, которое будет служить ему верой и правдой долгие годы, – в драку вступил Соломон и с легкостью одолел обоих противников, занятых лишь друг другом и изрядно изможденных. Итог: номер 203 мертв, Аарон тяжело ранен, Соломон восходит на царство.

В 1979 году стадо состояло из шестидесяти трех павианов, однако перечисленные были самыми заметными фигурами, вокруг которых все вертелось. Были, конечно, и другие. Например, Исаак – молодой самец, которому только через несколько лет предстояло войти в полную силу, но уже сейчас, обнаруживая хороший тон, он водил дружбу с семьей Рахили. Бедная восторженная Мариам с бесконечной чере-

дой детенышей, страдавших коликами. Юные сестры Бупси и Афган – настолько томные и гиперсексуальные, настолько похотливо подставлявшие зад самцам и задиравшие левую ногу им в самую морду, что я не мог переступить через себя и дать им имена библейских прародителей.

Именно в первый мой год работы в стаде Соломон ощутил на себе власть времени, и неизбежная тень смерти, сгустившись, приняла форму Урии. Совсем молодой и огромный, как дом, Урия пришел в стадо той весной и без всякой оглядки на традиции, заслуги и искусную практику запугивания нацелился свергнуть Соломона. Я всегда подозревал, что Урии просто не хватало ума понять изящество Соломоновых угроз и оценить почти восточный минимализм той манеры, с какой Соломон рассылал вокруг себя волны нервных встрясок и контролировал количество съедобных клубней, спариваний и груминга. Урия легко отбросил с дороги Иисуса Навина и Вениамина, быстро одолел Аарона, Исаака и других взрослых самцов. В одно дерзкое утро, пока Соломон обхаживал эструальную Девору, Урия вклинился между ними и попытался совокупиться с ней. Соломон, принужденный драться впервые за несколько лет, разнес Урию в пух и прах, пропорол клыком плечо, разодрал ему верхнюю губу – и тот в страхе бежал, задрав хвост (для павианов это то же, что для других зажать хвост между ног). А на следующее утро Урия вновь напал на Соломона, и все повторилось.

Так продолжалось всю весну. Урия раз за разом терпел

поражение, но, по всей видимости, его это ничему не учило, он приходил снова и снова. Угрожающе разевал пасть перед Соломоновой мордой, дрался с ним за очередную тушу, отгонял обыскивающих Соломона самок. Раз за разом получал трепку. И понемногу изматывал Соломона. Тот худел, с каждой стычкой его все больше шатало от ударов. В драке самцы-павианы бросаются друг на друга с открытой пастью, выставляя острые, как нож, клыки, которые длиннее клыков взрослого льва. Однажды утром Соломон при такой атаке подался назад – впервые за все время: раньше он не отшатывался ни на миг. И хотя схватку выиграл, уходил он с рассеченной мордой. Дальше следовали новые бои и жизнь с постоянной оглядкой. Для стареющих самцов молодняк вроде Урии бывает сущим кошмаром – этот юнец, полный сил, даже не знал, что такое усталость. Как-то днем, в перерыве между схватками с Урией, на Соломона напал другой самец высокого ранга, двумя месяцами ранее сжимавшийся от одного только Соломонова взгляда. Соломон победил, но ему пришлось бороться дольше обычного и долго не прекращать погоню, во время которой противник несколько раз оборачивался и вновь нападал. Дело шло к развязке.

На следующее утро Соломон сидел возле Деворы, в ту неделю к сексу никак не расположенную. Авдий как раз сделал первые несколько шагов; Рахиль сидела рядом с Иовом; Мариам на третьем месяце беременности обыскивала младшего детеныша, которому случилось закапризничать. Спо-

койное утро маленького городка. Появившийся Урия остановился в десятке шагов от Соломона, не сводя с него глаз. Городок не вмещал их двоих. И Соломон, как положено по сценарию, не глядя по сторонам, подошел к Урии, повернулся и лег брюхом на траву, выставив зад в знак подчинения. Передача власти совершилась.

В тот день Урия нежился в окружении Лии, Ноемини и других самок. Соломон без всякого повода налетел на Вениамина, несколько раз избил Иова, разогнал игравших Данила и Давида, попытался гонять перепуганную Руфь с Авдием. Позже я понял, что таково типичное поведение самца павиана, решившего отыграться на других за собственные трудности. Соломон на этом не остановился и совершил нечто, аналог чему я видел впоследствии всего один раз, в такой же день низложения альфа-самца. Специалисты по поведению животных яростно спорят, уместно ли применять эмоционально окрашенные человеческие термины к поведению животных. Вправду ли у муравьев есть «касты» и «рабы», действительно ли шимпанзе ведут «войны»? Одни считают, что такие термины служат удобными сокращениями, заменяющими долгие описания. Другие видят в поведении животных прямые параллели с человеческим. Еще кто-то полагает, что разница тут принципиальная и утверждение, например, о наличии «рабства» у представителей всех биологических видов, по сути, тонкий намек на то, что это естественное и широко распространенное явление. Я в некото-

рой степени склоняюсь к мнению последних. Однако поступок Соломона в тот день вполне заслуживает эмоционально окрашенного слова, обычно применяемого для описания человеческой патологии. Соломон догнал Девору, схватил ее под акацией и изнасиловал. Под этим я подразумеваю, что она не проявляла инициативы к спариванию, не была в тот период психологически готова или физиологически фертильна – она убегала что было сил, отбивалась от него и кричала от боли в момент совокупления. И истекала кровью. Так закончилось царство Соломона.

2. Жареная зебра и преступная жизнь

Когда я впервые отправился в Африку пожить в стаде павианов, я располагал широчайшим набором умений и навыков, делавших меня готовым к любым испытаниям нового незнакомого мира. Я умел отлично ориентироваться в нью-йоркском метро и к тому же ровно за неделю до экспедиции получил водительские права. У меня был опыт поездок в несколько штатов средней части Атлантического побережья, а также в Новую Англию. Я много ходил в походы по горам Катскилл² в штате Нью-Йорк и однажды даже лежал затаившись, когда мимо моего спального мешка ковылял дикобраз. Как-то раз я даже сумел развести костер, чтобы расплавить сыр на крекерах, которые в остальных походах ел не разогревая. Более того, в ожидании новых вкусовых впечатлений, грозящих мне в экспедиции, я немыслимо расширил свой гастрономический опыт: выйдя за рамки пищевых запретов, наложенных ортодоксальным религиозным воспитанием, в последний год перед поездкой я впервые попробовал кусок пиццы, блюдо китайской кухни и образчик индийской еды (правда, должен признаться, что в последнем случае я съел только рис, сочтя остальное небезопасным для здоровья из-за обилия пряностей). И наконец, дабы покрыть возможный

² Горы Катскилл, они же Еврейские Альпы, – знаменитое курортное место с сетью отелей для отдыха ньюйоркцев. – *Прим. пер.*

дефицит полезного опыта в еще не охваченных мной сферах, я начитался книг практически по всем темам, какие пришли мне на ум в связи с предстоящей экспедицией. Я был готов доблестно встретить любые испытания.

В аэропорт Найроби я прибыл на рассвете. Отмахнувшись от таксистов, поджидавших туристов, я сел в автобус, идущий в город. Стиснутый в толпе, я едва удерживал при себе битком набитый рюкзак и дорожную сумку и жадно глядел в окно, стараясь ничего не пропустить. Мимо меня проплывали дальние вулканические горы и открытые равнины с торчащими тут и там акациевыми деревьями, на полях работали мужчины, по краям дороги шли женщины, неся на головах корзины с едой. Я с трудом верил своим глазам: все люди – черные! Я в Африке! В самой что ни на есть Африке! Я на время забыл об автобусе и очнулся лишь оттого, что сидящий неподалеку мужчина средних лет упорно предлагал подержать мою сумку. Вернее, посреди толчеи и тряски на ухабах он тянул ее к себе, с загадочной настойчивостью повторяя по-английски: «Руки у меня сильные, белый человек, руки у меня сильные». Я неохотно отдал ему сумку, охваченный благодарностью пополам с недоверием. Когда ему пришла пора выходить, он извинился, что не может держать сумку дольше, передал ее мне, а затем, приподняв себя с помощью рук над автобусным сиденьем, плюхнулся на пол, упершись в него руками и коленями. Уже спускаясь на четвереньках по автобусным ступеням на столичную улицу,

он обернулся и еще раз крикнул через плечо: «Руки у меня сильные!» – и радостно засмеялся. Так я увидел первого в своей жизни уличного нищего, изуродованного полиомиелитом.

В Найроби я провел неделю: нужно было оформить допуск и договориться о транспорте до заповедника, где мне предстояло работать. Почти сразу выяснилось, что я говорю не на том варианте суахили. Языку я выучился в нашем университете от танзанийского студента-юриста. В Танзании, где в рамках социалистического эксперимента постепенно искоренялся родоплеменной строй, всех учили богатому, сложному, изящному занзибарскому варианту суахили, который и стал там основным языком. В соседней же Кении преобладал хаотический племенной уклад; каждый с детства знал свой племенной язык, языки ближайших союзных племен и язык вражеского племени, до суахили очередь могла дойти лишь позже. Основная масса людей его худо-бедно знала, но по большей части на нем говорили отвлеченно, особенно в Найроби, где утвердился ломаный язык, пестрящий городским жаргоном. Приехать сюда с тем вариантом суахили, какой я знал, было все равно что явиться в многонациональный бандитский Бронкс и заговорить там языком лондонских светских салонов. Я не понимал ни слова из речи местных, они не понимали меня.

Языковые трудности, впрочем, не помешали мне в первый же день получить опыт живого общения. Не успел я опом-

ниться, как гостиничный клерк включил в мой счет несуществующий государственный налог, в ближайшей продуктовой лавке мне продали товар по завышенной цене и университетский студент из Уганды выманил у меня деньги. Он поведал мне, что его семья погибла от рук Иди Амина, а сам он стал беженцем и теперь собирает деньги на то, чтобы вернуться домой и делать революцию. Сидя в тени деревьев у национального музея, мы провели немало времени за обсуждением этой темы – о стремлении принести в родную страну идеалы западной демократии он говорил с большим жаром. Я вручил ему до смешного крупную сумму денег. В последующие годы я регулярно встречал его на территории музея: он все так же отлавливал туристов и выдавал себя за беженца из какой-нибудь африканской страны, политические беспорядки в которой хотя бы вскользь упоминались в западных новостях.

К концу того первого дня я был очень доволен собой. Я узнал об интересном государственном налоге на жилье, дал себе слово внимательно смотреть на ценники в продуктовых лавках – ведь я, ошибочно рассчитывая на более низкие цены, вынудил беднягу торговца неловко напомнить мне, что я дал недостаточную сумму. И наконец – о радость! – я в меру сил поспособствовал установлению двухпартийной системы в Уганде.

Так прошла моя первая неделя в Найроби. Жить в беспокойном городе третьего мира, где нет ни одной знакомой ду-

ши, где любая еда, любое лицо, любой жест мне совершенно незнакомы и совершенно не похожи на все виденное в прежней жизни, – все это в других условиях стало бы головокружительным опытом, однако сейчас я ни на что не обращал внимания. Причина проста: во мне постоянно жила мысль, что где-то там (я даже не знал толком, где именно) кончаются и прекрасные новые небоскребы, и нищенские задворки, и по-британски безукоризненные колониальные особняки предместий и начинается покрытая кустарником равнина, бушленд. Остальное меня не интересовало: затаив дыхание, я ждал того мига, когда наконец окажусь в вожаделенном месте, к встрече с которым готовился почти всю жизнь.

И долгожданный день настал. К тому времени я уже нашел офис организации по охране живой природы, где у меня был некий «контакт» – звучало это очень солидно, а в действительности секретаршу просто предупредили, что из Штатов явится юнец с моим именем, и попросили как-нибудь посодействовать. Я был вне себя от восторга. Уже сам факт, что в каком-то офисе существует бумага с моим именем и фамилией (пусть даже написанными не в том порядке и с чудовищными ошибками), наполнял меня трепетом и заставлял чувствовать себя бывалым покорителем Африки. Мне рассказали, когда и как отправляется самолет в заповедник, и сообщили имя пилота – теперь у меня в Африке было целых два контакта! В заповеднике мне предстояло встретиться с двумя студентами-старшекурсниками и работать с ними

несколько месяцев, пока не освоюсь. Секретарша с некоторой долей убедительности пообещала связаться с ними по рации и предупредить, что где-нибудь в обозримом времени меня понадобится забрать с полевого аэродрома.

И вот я сидел в крошечном самолетице, который болтало грозой, бушующей над Восточно-Африканской рифтовой долиной. Низкие тучи закрывали обзор, не давая мне издали разглядеть новый для меня мир. Из облаков мы вынырнули только в последние секунды перед приземлением; в неожиданно прояснившемся воздухе мелькнули кустистые равнины с зебрами и дикие звери, разбегающиеся с посадочной полосы прямо перед самолетом, и я очутился внутри диорамы.

Всю оставшуюся жизнь мне будет невыносимо больно от мысли, что мне уже никогда не вернуться в те первые недели и не пережить заново первое знакомство с павианами, первый день встреч с поселянами из соседней деревни, первое осознание того, что за каждым кустом и каждым деревом копошатся животные. Каждую ночь, возвращаясь в палатку, я в изнеможении падал, переполненный новыми впечатлениями, больше не в силах так интенсивно впитывать новые краски, звуки и запахи.

Первым и самым действенным уроком для меня стало то, что реальность совершенно не соответствовала ожиданиям. Годами я закалял себя мыслями об опасностях, которые неминуемо ждали меня в буше, и перед поездкой распро-

щался с близкими так, будто мог не вернуться. Я готовился столкнуться с хищниками, дикими буйволами и ядовитыми змеями, а на деле хуже всего были жуки, постоянно попадавшие в еду.

Из книг я знал о грозных аборигенах и о том, насколько устрашающим и опасным было воинственное племя масаи, знаменитое набегами и грабежами. Я не догадывался, что главной трудностью станут масайские женщины, которые каждый день после полудня будут сидеть вокруг лагеря. Личное пространство и границы дозволенного для них не существовали: они обсуждали каждое мое действие, хихикали, фыркали, с любопытством толпились вокруг, не давая прохода, и постоянно пытались растащить на сувениры мои вещи.

До поездки я смирился с мыслью, что мне могут грозить страшные тропические болезни, и был готов героически вынести малярию, бильгарциоз или шистосомоз. Вместо этого проблемы со здоровьем вскоре приняли форму легкой, но постоянной диареи, длившейся круглый год, а вдобавок по ночам я нередко лежал часами без сна, расчесывая зудящие участки между пальцами ног, зараставшими грибком.

Кроме того, до поездки я обдумывал психологические проблемы, которые мне наверняка придется испытать вдали от привычной среды, – ведь я не знал никого в целой Африке, работа и быт предполагали одиночество и полную изоляцию от внешнего мира, за исключением разве что почты

раз в несколько недель. Я прекрасно изучил феномен добровольцев миротворческих сил: большинство из них скатывались в депрессию примерно к десятому месяцу первого года – друзьям наскучивало писать письма, наступал сезон дождей, и тогда одиночество и чуждая обстановка становились почти невыносимы. Я был к этому готов. Однако я не думал, что в первый же месяц начну подозревать, что от одиночества у меня едет крыша.

А все из-за слонов. Знаете ли вы, что у слоних есть груди? Нет, не то, что вы представили, это не ряды мелких сосков и лежащая на боку мать-слониха, к которой по-пороссячи припадает сразу десяток слонят с не прорезавшимися еще глазками. А настоящие груди – два огромных, пышных, роскошных холма, разделенных ложбинкой. Бьюсь об заклад, что вы этого не знали. Как и я. В школе почему-то такому не учат. И вот в первый же месяц брожу я по зарослям, вооруженный биноклем, секундомером и блокнотом, целыми днями наблюдаю павианов, спаривающихся направо и налево. А тут вдруг мимо проходит толпа толстокожих, и у кого-то из слонов я вижу эти... в общем, груди. Разумеется, первая мысль: «Ну да, конечно, вот такой я жалкий похотливый юнец, сломался на первом же месяце одинокой жизни, мне у слонов мерещатся груди размером с "фольксваген"». Это ведь ужасно – получить нервный срыв прямо тут же, да еще в форме юношеской эротической obsessions, в сотню раз более стыдной, чем тяга к разглядыванию обнаженных тел в *National*

Geographic. Позже я с великим облегчением узнал, что у слоних действительно есть груди и что увиденное мной не было плодом извращенной фантазии на тему учебника зоологии.

Вскоре после этого откровения об анатомии слонов я получил еще одно, куда более важное. Предыдущие студенты уже уехали, я остался в лагере наедине с красивейшими горами, возвышающимися над равниной, где жили павианы. День клонился к вечеру, я закончил дела и был весьма доволен собой: наконец-то мне стало удаваться различать павианов хоть с какой-то долей уверенности. Утром того дня агрессивный Навуходоносор, которого я уже недолюбливал, затеял драку против объединенных сил стареющего Аарона и молодого Иисуса Навина. Дрались упорно и без передышек, перевес получала то одна, то другая сторона, бурная грызня и рычание сменялись стремительными погонями через поле и заросли. Спустя несколько минут Иисус Навин и Аарон с минимальным перевесом одержали верх, я умудрился ничего не упустить и записать все в блокнот. Наблюдение и документирование начали казаться уже почти знакомым делом.

Я расслабленно сидел у палатки, лениво поглядывая на стайку импал, живущих в зарослях неподалеку, как вдруг из-за горного хребта вынырнул лендровер местных егерей-смотрителей и по грунтовой дороге направился прямо в лагерь. Я проходил мимо их ворот каждый день и всегда останавливался поболтать. Это было первое в моей жизни

сообщество людей, давшее мне чисто африканский опыт общения – четверть часа обмениваться одними приветствиями и вежливостями. Как дела? Как спал? Как работа сегодня? Как думаешь, не похолодает к вечеру? А как там коровье стадо родителей мужа твоей сестры? И так далее.

Машина подъехала. На переднем сиденье теснились три егеря, сзади лежало что-то большое. Визитеры открыли задние двери – и моим глазам предстала туша зебры.

Главный егерь подошел ко мне с обычными приветствиями, еще один взял мачете и занялся тушей. «Это же мертвая зебра?» – выпалил я, не дослушав вопросов о здоровье моих родителей. – «Ага, кто же еще». – «Откуда вы ее взяли?» – «Застрелили». – «Застрелили?!...»

Охота в Кении запрещена, никаких исключений, Кения этим фактом страшно гордится, использует его для саморекламы и привлечения туристов в местные заповедники: в соседних странах такого запрета нет, а здесь это свидетельство заботы о защите дикой природы и сохранении ее в первоизданном виде. Так почему же люди, поставленные хранить заповедник, убивают заповедных зверей?

Пока мы говорили, подошел второй из компании и кинул мне образчик своего искусства обращения с мачете – заднюю ногу зебры. Огромную, мускулистую, с прилипшими к копыту травинками. «Зебра была больная?» – спросил я в надежде: вдруг ее убили из чистой жалости, чтобы не мучилась. «Нет, конечно, – слегка высокомерно бросил егерь. – Стали

бы мы предлагать мясо больного животного! Крупный был, здоровый самец».

Они уже садились в машину, наверняка раздосадованные тем, что я не выражал бурных благодарностей по поводу подарка. Уже под звуки заводящегося двигателя я выдавил: «А разве по закону можно стрелять зебр?» Главный взглянул невозмутимо. «Нам не платят несколько недель, управляющий забирает деньги себе. Надо же нам где-то брать мясо».

Я остался сидеть с куском туши в руках, весь во внутренних метаниях, совершенно не зная, что делать. Причин тому хватало. В тринадцать лет я по сумасбродной прихоти сделался вегетарианцем – отчасти для проверки силы воли, отчасти из желания позлить родителей. Оба мотива сработали великолепно, год от года я все строже следовал своему выбору и подкреплял его разумными доводами о страданиях животных, экологическом мышлении и здоровом образе жизни. Я заранее решил, что в Африке буду питаться всем, чем потребуется, ведь еда – тоже часть нового опыта, однако за первые несколько месяцев не съел ни куска настоящего мяса. Теперь же мне предстояло вернуться к мясоедению.

Другая трудность была чисто практической. Я понятия не имел, как это готовить. В последний раз я ел мясо еще до окончания школы – то ли сэндвич с копченой говядиной из магазина деликатесов, то ли матушкины мясные голубцы. В колледже я несколько лет провел в общежитии, питаюсь жутким лиловым йогуртом – подачкой для вегетарианцев; на ка-

никулах же, если оставался в общежитии, все попытки самостоятельно приготовить еду сводились к тому, чтобы выбраться в ближайший супермаркет за лиловым йогуртом. В заповеднике я жил на рисе, бобах и капусте, временами даже умудряясь сделать их более-менее съедобными. Что делать с ногой зебры – я не представлял даже отдаленно.

А мучительнее всего была моральная дилемма. Егери убили зебру просто потому, что им было нужно мясо. Они – браконьеры, и я тут сижу с частью их добычи. Донести на них главному управляющему? Но ведь он присваивает их жалование. А кому доносить на управляющего? Мне что – идти разбираться сразу со всеми, увещевать их и говорить, что так делать нехорошо? А кто я такой, чтобы их судить? У меня еще молоко на губах не обсохло. А егеря привезли мне подарок. Но они убили зебру. А почему зебра должна быть ценнее тех коров, которых позволено убивать? Съесть подаренное мясо – безнравственно. А выбросить его в кусты – разве менее безнравственно?

Так я и сидел, не в силах двинуться, нравственные муки отчетливо разрастались до объема курсовой работы. Вдруг я заметил, что открытый срез мяса за это время облепили мухи. Не знаю, как так вышло, но в следующий миг я уже аккуратно снимал с подаренной ноги шкуру, орудуя складным швейцарским ножиком. Срезав с костей куски мяса, я покромсал их на мелкие кубики, кровь и ошметки летели во все стороны – в ту ночь гиенам предстояло всю пировать

у самых стен моей палатки. А пока я принялся жарить мясо, оставив его на огне на долгие часы, пока оно не превратилось в тугие комки, похожие на ременную кожу и совершенно безвкусные: они ничуть не напоминали о зебре, которая еще утром скакала по саванне.

Есть эти комки – точнее, жевать их – было невозможно. Только начав, я настолько углубился в процесс, что до меня дошел истинный смысл школьного определения «пережевывания» у приматов: резцами откусываешь и отдираешь куски, а потом широкими коренными зубами усиленно перемалываешь несъедобную массу.

Пока я сидел и пережевывал первые несколько кусков нелегального мяса, которое станет моей пищей на ближайшие дни, на меня вдруг снизошло озарение. Я даже прекратил жевать и застыл с открытым ртом – частью из-за усталости от приматского пережевывания пищи, частью из-за внезапной масштабности открытия. В мозгу пронеслось: «Тот студент из Уганды... в музее... которому я дал кучу денег... он ведь не был угандийским студентом!» У меня словно пелена упала с глаз. До меня дошло, что и гостиничный клерк с его несуществующим правительственным налогом взял с меня лишние деньги, и продавец в продуктовой лавке, куда я ежедневно заглядывал, каждый раз меня грабил. В мгновение ока все вдруг стало ужасающе ясным, в мозгу билась мысль: «Что за страна, неужели здесь все мошенники?» Коль скоро не нашлось змея, который протянул бы мне яблоко с

древа познания, я получил от егерей жареную зебру с древа житейской мудрости.

Я провел отвратительную ночь без сна – из-за моральных терзаний вкупе с одуряюще едкой изжогой от обугленных кусков зебры. На следующий день свершился переворот: я впервые солгал в Эдемском саду. В тот день я, как обычно, проезжал мимо администрации заповедника. Я почему-то взял за правило подвозить одного конкретного егера, делая при этом изрядный крюк: доставлял его к деревне у дальней границы заповедника, он шел к жителям, после некоторого количества неясных выкриков молча возвращался, и я вез его обратно в административную часть. Со мной он держался довольно грубо и агрессивно, и все те несколько недель, пока я служил ему личным извозчиком, я время от времени напоминал себе, что нужно относиться к людям с пониманием, что грубость наверняка свойственна всем, кто живет в буше, что он не привык иметь дело с представителями другой культуры. Однако в ту бессонную ночь до меня дошло, что он просто-напросто мерзавец, который меня нагло использует, и что в деревне он наверняка трясет деньги с жителей, а я при этом радостно его сопровождаю. В то утро он, как обычно, сделал мне знак винтовкой и велел немедленно отвезти его в деревню – и тут я вдохнул поглубже и солгал. В тщательно отрепетированной ночью небрежной манере я бросил: «У меня срочное дело, сейчас вернусь» – и на полной скорости кружной тропой рванул в свой лагерь на

горе, где просидел остаток утра в ослепительном осознании своего триумфа, выковыривая из зубов остатки зебры.

Обратного пути не было. Нет, не то чтобы я на завтра пошел грабить банки под чужой личиной, у меня даже обычный стиль поведения не слишком изменился. Просто ко мне начало приходить понимание, что здесь все устроено не так, как я привык. И я не мог взять в толк почему. Люди здесь обычно много дружелюбнее, чем в Америке, и даже самые небогатые щедро делятся с тобой тем немногим, что у них есть. Но при этом вся система завязана на умении ловчить. Обладатели формы и оружия держат в повиновении тех, у кого их нет. Владельцы магазинов обсчитывают тех, кто не видит цену или не умеет считать. На работу берут только представителей конкретного племени или тех, кто согласен отстегивать боссу часть зарплаты. Медики разворовывают деньги, предназначенные на вакцины, чиновники по выплате пособий присваивают продовольственные субсидии, невероятное количество зданий и дорог стоят недостроенными из-за того, что подрядчик исчез вместе с деньгами. Как я вскоре выяснил, не гнушались этим и белые. Приехав в Найроби за припасами в следующий раз, я остановился в гостевом доме г-жи Р. – пожилой переселенки из Польши. Дом кишел белыми автостопщиками и мигрантами, каждый похвалялся – кто контрабандой, кто взятками на границе, то и дело слышались советы, как толкнуть на черном рынке нелегальную валюту и где взять фальшивую визу. Тогда же я впервые

стал свидетелем полицейских поборов: в городском автобусе, остановленном для проверки документов, полицейские методично продвигались по проходу, собирая деньги с пассажиров, и лишь в конце, заметив меня, ошеломленно взиравшего на все действо, они резко свернулись и разрешили нам ехать дальше. Через несколько дней мне довелось увидеть сцену, типичную для африканского или индийского города: толпа поймала вора и в порыве ликующей ярости избила его до бесчувствия.

Отчего в мире весьма добропорядочных людей процветают мошенничество, аферы, обман и вымогательство? Объяснений находилось немало. Отчаянная бедность, толкающая на отчаянные поступки. Примитивная племенная вражда, делящая мир на «наших» и «чужих» по критериям, которые я не мог нащупать даже отдаленно. Менталитет Дикого Запада, обывательская скука мелких городишек, бесконтрольный эгоистический капитализм без малейшего намека на законы и ограничения. Возможно, то же самое творилось и в моем собственном мире за пределами башни из слоновой кости, вне которой я ничего не знал. Возможно, то же творилось и в самой башне – просто мне не случилось прозреть, пока я в ней жил. Однако здесь, в мире вольно пасущихся животных, который я поначалу воспринимал как музейную диораму, меня такое открытие ошеломило. И отлично подготовило к тому скользкому пути, на который мне пришлось ступить несколькими месяцами позже.

Вышло так, что преподаватель, отправивший меня в Африку, забыл о моем существовании. Шел четвертый или пятый месяц моей командировки. Я приехал в Найроби, потратив на это изрядные средства, и позвонил ему в Штаты вежливо напомнить, что пора перечислить мне деньги. Ах да, виноват, забыл, деньги перечислю на неделе. Я вернулся в заповедник и впрягся обратно в работу. Неделя шла за неделей, деньги не приходили. Вновь поездка в Найроби, чуть более отчаянный звонок – ах да, черт, совсем вылетело из головы, отправлю деньги на днях. Вскоре я уже был совершенно на мели и не мог никуда двинуться из Найроби. Звонить в Штаты не хватало денег, а услуги «звонок за счет принимающего абонента» тогда в Африке не существовало. Просить денег у родителей я не стал бы ни за что на свете: моя независимость была мне дороже всего, и даже при стремительно тающем бюджете я специально отложил деньги на дежурные жизнерадостные открытки, которые слал домой каждую неделю. Посольство США мало заботилось об американцах в Найроби, если они не богатые бизнесмены. Зажиточных знакомых у меня в Кении не было. Собственно, знакомых в Кении у меня не было вовсе. От отчаяния я пустился в криминал и, как оказалось, успешно.

Первая афера, которую я задумал, была на удивление простой. В бывшей британской колонии, куда белые люди толпами едут в туры и отпуска, ни один кениец не поверит, будто белый может своровать обед, булочку или двадцать шиллин-

гов. Не то чтобы белые считали кражу ниже своего достоинства – просто исторически они обычно присваивают себе куда более крупные объекты (например, землю твоих предков, твою страну).

Вначале нужно было разжиться деньгами. При въезде в Кению я случайно не задекларировал 50 долларов 10-долларовыми купюрами. Они лежали в рюкзаке, отдельно от запаса дорожных чеков, и я забыл включить их в таможенную декларацию. В следующие разы при въезде в страну я уже намеренно буду пускаться на хитрости, чтобы провезти незадекларированные доллары для возможного обмена на черном рынке, на всякий экстренный случай, а в тот первый приезд я действительно о них забыл. Обнаружив такую оплошность, я даже наведася в правительственный банк, чтобы заполнить нужные юридические документы и оформить валюту. Служащий не знал, что со мной делать. Вначале он без особого энтузиазма попытался деньги украсть, то есть предложил взять их на некое хранение, однако, поскольку я продолжал требовать с него несуществующий бланк для посттаможенного декларирования иностранной валюты, то он без дальнейших церемоний отправил меня восвояси.

Итак, я располагал незадекларированными наличными, которые решил мелкими порциями пустить на черный рынок. От мигрантов в гостевом доме я мало-помалу узнал, что обычно валюту сбывают осторожным, болезненно подозрительным индийским коммерсантам отвратительного вида –

владельцам магазинов электроники в центральной части города, представителям индийского среднего класса в Восточной Африке. Они считались надежными дельцами, которые дают, скажем, по 10 шиллингов за доллар при официальном банковском курсе 7 шиллингов. Вместо этого я закидывал на спину рюкзак и шел прогуливаться по центру Найроби, глядя на местных как новичок. Ко мне мгновенно подкатывали уличные деляги и предлагали обменять доллары по невиданной цене: «Доллары меняем, доллары, 25 шиллингов за доллар». Я уже знал, что это обыкновенные воры, которые заводят жертву в проулок и в лучшем случае поднимают панический крик о полиции, которая якобы на подходе и сейчас всех повяжет, спасайся, беги, – и в суматохе ты остаешься без денег. Менее разборчивые ребята, заведя тебя в проулок, просто дают по голове и чистят карманы.

Однако на этот раз, вместо того чтобы послать мошенников подальше, я восклицаю: «О, как удачно, я только что приехал и мечтаю поменять деньги, 25 шиллингов, отличный курс, какая встреча». Говорю ему, что с собой у меня только 10 американских долларов, а в гостинице, где я остановился (тут назвать отель подороже), у меня 500 баксов для обмена. Давайте, вы сейчас обменяете мне 10 долларов, а я потом принесу 500?

«Ик», – говорит мошенник. Даже среди жуликов попадают образованные, и он начинает считать в уме: если сейчас отдать 250 шиллингов за 10 долларов, то этот сопляк прита-

щит еще 500, и вот тогда-то я и дам ему по голове. Деньги переходят из рук в руки, стороны клянутся в дружбе и верности, назначается следующая встреча. Главное теперь – обходить эту улицу стороной, а со следующей 10-долларовой купюрой идти на какую-нибудь другую.

Так мне удалось продержаться на плаву еще немного. Однако и эти деньги когда-то кончились. Я продал фотоаппарат и пленку за отчаянную цену. День за днем питался одним крахмалом, от голода кружилась голова, я плохо соображал. Из гостевого дома пришлось уйти, теперь я спал в городском парке и воровал туалетную бумагу в дорогой гостинице. Четырьмя годами раньше, еще первокурсником, однажды я предпринял дальнюю поездку ради малознакомой особы в надежде, что она позволит чмокнуть ее в щечку. Теперь я двое суток ехал автостопом к почти незнакомому исследователю в надежде, что тот меня хоть чем-нибудь накормит.

Спустя некоторое время я разработал еще одну аферу. Идешь на городской рынок, в лабиринт овощных прилавков. Продавцы громко предлагают купить у них капусту. Подходишь ближе – предлагают марихуану (если видят в тебе потенциального покупателя). Мне говорили, что некоторые ее и впрямь продают, а не просто забирают у тебя деньги или доносят на тебя в полицию, которая потом тебя шантажирует.

Становишься в очередь за овощами, на которые у тебя нет денег. Пронырливый торговец спрашивает, не нужна ли

травка. О да, еще бы, как же без травки, почему продаете? Тебе называют смешную цену, ты соглашаешься и вслух превозносишь выгодность сделки. Обещаешь вернуться с деньгами, продавец навязывает тебе, дорогому другу, сколько-то овощей бесплатно. Прилавок, разумеется, ты потом обходишь десятой дорогой. Главное – начать с самого дальнего прилавка и каждый день сдвигаться чуть ближе к входу, чтобы не наткнуться на разочарованных дорогих друзей, которые теперь наверняка хотят перерезать тебе горло.

В конце концов, после нескольких дней без еды я решил банально красть. Войти в приличную гостиницу, сесть за столик в столовой, уверенно держаться колонизатором в завоеванной стране, а на вопрос, в каком номере живешь и куда подать счет, назвать произвольную цифру. Я был уверен, что ни один официант-кенийец не посмеет заявить, что я лгу. Я нацелился на гостиницу Ассоциации молодых христиан (YMCA) и думал выдать себя за молодого христианина, уже оплатившего номер. И в тот самый день, когда я собрался привести в действие этот план, пришли деньги от преподавателя: он наконец вспомнил о моем существовании. В том бессильном голодном полубреду YMCA мне показалась как-то причастной к моему спасению, и я об этом не забыл. Годом позже, в самый разгар войны за свержение режима Иди Амина в Уганде, я ночевал в разбомбленной, оставшейся без крыши гостинице YMCA в мелком угандийском городке и оставил владельцу огромную, как ему показалось, сумму

на восстановление крыши – во искупление моей преступной жизни.

3. Отмщение либералов

Я ангел смерти. Я сеятель ужаса, я казни египетские, я мор и чума, я тать в ночи, я шевалье де Тень, я воплощенная погибель. Я призрак с кошачьими глазами, затаившийся в шкафу у кровати ребенка в ожидании полуночи, я коварный, вкрадчивый, беззвучный, стремительный ужас павианов, я сборщик дани на службе у Вельзевула. Очередной павиан благополучно усыплен моим дротиком. Счастье. Сегодня я попал-таки в Десну, которого давно хотел заполучить. Хитрец знал наперечет все мои уловки – месяц шел за месяцем, а он все не давался в руки. Я уже почти не надеялся добыть от него кровь на анализ, как вдруг сегодня он сплосховал. Окружил себя самками и решил, будто я не подберусь: самки отгородят меня от цели, а в толпу стрелять я не стану. Не тут-то было! Все отвлеклись, он не рассчитал расстояния между близко растущими деревьями – и вот анестезирующий дротик летит из духовой трубки прямо ему в зад. Через четыре минуты павиан уже без сознания. Пьянящий запах победы, мощь чресел, первобытная наука. Я едва удерживался, чтобы не вгрызться клыками в его мягкое подбрюшье.

Шприц-дротики. Как я уже упоминал, в стадо я пришел главным образом, чтобы выяснить, как социальное поведение павианов, их социальный статус и эмоции соотносятся с их болезнями, особенно стрессогенными. Почему у одного

павиана организм или психика восприимчивы к таким болезням больше, чем у другого? И вот ты носишься за павианами как сумасшедший и записываешь всю их мыльную оперу в блокнот, а потом запускаешь в кого-нибудь шприц-дротик с анестетиком из духовой трубки и снимаешь показатели состояния организма. В теории все очень просто: приблизиться к павиану, к которому в ходе наблюдения обычно подходишь десяток раз на дню, только в этот раз прогулочная трость оказывается духовой трубкой, и ты вгоняешь в павиана дротик. Сложность в том, что стрелять в каждого из них надо в одно и то же время суток, чтобы учитывать ежедневные колебания количества гормонов в крови. А если павиан в тот или иной день болен, ранен, с кем-то дрался или совокуплялся, то стрелять в него незачем: все перечисленное сбивает гормональный баланс. А главная сложность в том, что нельзя стрелять в павиана, когда он это видит. Если необходимо узнать уровень стрессовых гормонов в крови при отсутствии стресса, в нормальном состоянии отдыха, то надо застать павиана спокойным и ничего не подозревающим. К нему надо подкрадываться. Без свидетелей. Такая вот у меня работа – стрелять павианам в спину. А потом быстро-быстро брать кровь на первый анализ, пока стандартные показатели еще не сбиты стрессом, полученным от выстрела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.